

Глава III

*О себе и о тех,
кому обязан счастьем
быть в этом мире...*

Я знал, о чем буду писать в этой главе, но почему-то прежде чем начать ее, долго сидел над чистым листом... Перед глазами проходили картины моего детства, юности, я слышал родные голоса своих близких и видел их любимые лица. Господи, как же они мне дороги и нужны, хотя многие из них уже и не достигаемы для нас, живущих на земле. Верю, что когда-нибудь мы снова будем вместе. И эта вера дает мне силы пережить многие утраты и потери, хотя иногда сердце буквально разрывается от боли... Порой с трудом заставляешь сдержать крик отчаяния от невозможности вернуть былую радость общения с дорогими людьми, вернуть чувство легкости и уверенности в том, что все еще впереди...

— Смешной человек, — говорю я себе в таких ситуациях, — если «все еще впереди», зачем с такой тоской ты вспоминаешь все, что «за спиной»? А может... как это у Константина Симонова: «Кто-нибудь услышит, вспомнит и напишет, кто-нибудь помянет нас с тобой...». Может, кто-нибудь и верит, что его «помянут», а вот я решил все сам рассказать о своей жизни и сам «помянуть» тех, кто дал мне эту жизнь.

Мои родители, мама Раиса Ивановна Герасимова и папа Федор Михайлович Маликов, познакомились и пожени-

Мой адрес - не дом и не улица...

С родителями

Папа, бабушка и прабабушка

лись в июне 1941 года. Мама моя осиротела в 1939 году и жила с бабушкой и тетей в Ростовской области на хуторе Чеботовка, а мой отец жил по соседству, их разделяли всего семь километров. Папа работал в милиции участковым. Ему было 26 лет, когда он познакомился со своей будущей женой, моей мамой. Она к этому времени окончила педагогическое училище и преподавала в начальных классах местной школы.

Как только началась война, отец тут же ушел на фронт. Но волею случая осенью 42-го, когда, отступая, наша армия продвигалась в направлении Сталинграда, ее путь проходил через наш хутор Чеботовку. И, конечно же, танк отца затормозил у дома, где жила его жена. Отец был не просто танкистом, а командиром танка, и взял на себя ответственность, не спрашивая ни у кого разрешения, побыть какое-то время с любимой. Так что после Господа Бога он был первым, кто решил вопрос моего появления на этой земле.

Итак, я родился в родной Чеботовке 6 июля 1943 года. Когда уже взрослым человеком я смотрел фильм

С.А. Герасимова «Тихий Дон», у меня возникло ощущение раздвоенности. Да, я сидел в зале среди зрителей и в то же время жил, ходил, действовал и воевал вместе с героями фильма, с теми, кто был на экране. Казалось, я знал каждый клочок земли, каждое дерево, слышал родной говор, да и сам говорил так, как герои картины. И песни, и обычаи, и манера поведения — это все было мое. Я вырос среди этих людей, и я такой же, как они...

Донское казачество для меня — не просто сочетание звучных слов, это сфера моего человеческого взросления и формирования. Хутор Чеботовка не так уж далек от Вешенской станицы, где, как известно, снимался «Тихий Дон». Так что теперь, если я захочу снова вернуться в детство или показать родные места внукам, я пойду с ними вновь смотреть фильм Сергея Герасимова по роману Михаила Шолохова и снова по-детски буду счастлив и по-взрослому горд тем, что этот фильм снят на моей родной земле.

Иногда мне кажется, что человеческое сознание в соединении с актерской фантазией — необъяснимое в своих «крутых виражах» и непредсказуемости явление. Моя память хранит многое. Конечно, мама рассказывала, что, когда она меня ждала, бабы убежали с хутора и спрятались в балке от немцев, которые вошли в Чеботовку. Но никаких подробностей этих драматических событий она мне не поведала. А я однажды, вспоминая мамин рассказ, вдруг, как в кино, увидел голую степь, где совсем не было деревьев, выжженную траву и трепещущий ковыль, который полоскал ветер. Мне казалось, я слышу эти жуткие, пугающие до потери сознания выстрелы и вижу женщин, прячущихся в оврагах в поисках спасения и защиты, которую могла им дать только она — их родная земля.

И еще я отчетливо помню церковь и батюшку, который жил рядом с нами. Запечатлелись в моей детской памяти и те страшные дома, в которых мы обитали. Они были не

из камня, и не из дерева, а сложены из кирпичей, которые лепили из смеси глины, песка, соломы, навоза, кизяков... Полы в таких домах, как правило, земляные, и их почему-то посыпали скошенной травой... Но стоило выйти из дома, как тебя окружала завораживающая красота: смородина, вишня, груши, яблоки, цвела акация, чарующе пахла сирень. Но вся эта красота находилась за пределами дома, радовала глаз только в теплое время года, зимой же даже животных — козу, куриц, индюшек — прятали от холода в пристройке, которая являлась частью жилого дома.

Мне повезло: мой отец вернулся с войны домой живым и здоровым. Я всегда гордился тем, что папа — танкист, что он награжден тремя орденами Красной Звезды, медалями «За Отвагу» и «За оборону Сталинграда». Даже сейчас, когда я называю его награды, испытываю удивительное чувство своей сопричастности к Великой Победе. Это мой Отец добывал ее для своего народа, для нашего будущего.

Я вырос в семье человека, свято хранившего Честь, Верность и Преданность Родине, и это не могло не сказаться на моем воспитании и формировании гражданского сознания.

После окончания войны отец еще довольно долго продолжал оставаться военным. Он тогда служил в Калининграде, и мы с мамой в 1948 году переехали к нему. Там же, в этом же 48-м родилась моя сестра Женя. После демобилизации отца на семейном совете остро встал вопрос о возвращении в Ростовскую область. Мне-то этого очень хотелось, я об этом только мечтал. Дело в том, что я каждый год проводил три летних месяца в Чеботовке, где жили любимые тети, дяди, бабушки, дедушки и, конечно, друзья... море друзей...

Мама тоже не возражала против Чеботовки. В школе, где она преподавала, ее очень уважали и ценили, у нее там было много друзей, не говоря уже о родственниках, с которыми ей очень хотелось жить рядом. Надо сказать, что родственников у нас всегда было много, отношения между нами складывались самые добрые, самые теплые. Не могу припомнить каких-нибудь ссор, выяснений отношений,

отчуждения друг от друга. Такое взаимоуважение, конечно, позитивно сказывалось на характерах и взрослых, и детей.

Став взрослым человеком, семьянином, да еще руководителем коллектива, я подсознательно, сколько себя помню, все время стремился к воссозданию той комфортной для существования в этой нелегкой жизни атмосферы, которая сформировала меня в детстве, юности; помогала оставаться человеком, понимающим других людей, оказавшихся в очень сложных житейских ситуациях. Такая открытость, доброжелательность характерна для нашего семейного клана. Как говорится, один за всех и все за одного. Поэтому не было ничего удивительного в том, что папина сестра, которая со своей семьей жила в Чехове недалеко от столицы, предложила отцу вместе с нами поселиться у нее с перспективой дальнейшего обустройства в Подмосковье.

Итак, в 1954 году наша семья приехала в Чехов на постоянное место жительства. В Чехове я пошел в 4-й класс.

Папа, мама, бабушка и сестра

Учился хорошо. Мне нравилось ходить в школу, получать новые знания, читать книги. Кстати, мама в то время работала в библиотеке, поэтому новые книжные поступления не проходили мимо меня. Работу библиотекаря мама совмещала с педагогической деятельностью, а отец трудился в жилищно-коммунальном хозяйстве, он был начальником ЖЭКа.

Жили мы тогда в коммуналке. На четвертых у нас была 18-метровая комната. Но родители не горевали по поводу тесноты. Люди деятельные, они посоветовались между собой и с родственниками и решили строить дом!

Мои юношеские интересы не ограничивались учебой и запойным чтением книг. И хотя я до определенного времени не думал стать профессиональным музыкантом, но увлекся музыкой еще в школьные годы. В нашей семье все тяготело к музыке. Папа хорошо пел, играл на баяне, гармошке. С войны он привез единственную ценную вещь —

Федор Михайлович и Раиса Ивановна Маликовы

аккордеон «Хонер». Сейчас это наша семейная реликвия, а тогда этот «Хонер» являлся первым дорогим и малоизвестным в России инструментом, который я увидел и который стал собственностью нашей семьи. Учил играть меня на аккордеоне дядя Яша, папин брат. Он-то замечательно играл, его мастерство и приемы, которыми он со мной поделился, сделали свое доброе дело. Я почувствовал «вкус» музыки, желание играть и стал самым активным участником школьной самодеятельности. Больше того, в чеховской школе № 2 мы создали музыкальный коллектив – два аккордеона и концертино. В таком составе мы с огромным успехом выступали на всех школьных вечерах и городских смотрах.

Однажды произошло то, что действительно, как поется в нашей песне, «не повторяется такое никогда»... Как-то к нам в Чехов приехали артисты Московской эстрады, и Борис Сергеевич Брунов попросил, чтобы наше трио аккомпанировало ему во время исполнения куплетов. Мы очень гордились выпавшей на нашу долю удачей: своим выступлением вместе с Бруновым, уже тогда известным и всеми любимым конферансье. Мне потом довелось очень много работать с Борисом Сергеевичем, и мы с ним часто вспоминали тот концерт в Чехове. Со свойственной ему добротой он говорил о мальчишках-музыкантах с аккордеонами, которые не побоялись выйти с ним на одну сцену и стать для него достойными «коллегами» в выступлении.

У каждого своя альма-матер. У меня это Чеботовка. Именно здесь я впервые услышал казачьи песни. А это особенные песни, в которых важное место занимает голосоведение: кто-то басит, кто-то вторит, поют несколько человек, а звучит это все как что-то крепкое, единое... Еще я помню, как в Чеботовке праздновали Пасху. Конечно, в те времена власти совсем не приветствовали праздник Светлого Воскресения Христова, но в Чеботовке донские казаки в поощрение властей и не нуждались. Теперь даже самое высокое начальство выстаивает службу в Храме в канун Воскресного Дня, а раньше праздник этот отмечали без шума и многоголосья, просто в семье, не выставляясь на показ. Но все равно он был очень силен, этот дух святости, веры, желания

добра друг другу — я хорошо помню ту светлую душевную атмосферу и то особое пасхальное веселье с куличами, яйцами и поцелуями: «Христос Воскрес! — Воистину Воскрес».

О Чеботовке я могу говорить часами, мне даже не надо напрягаться, чтобы что-то вспомнить, хотя я там не был уже почти 48 лет. Память сама переносит меня в те времена, и я вижу все, что там происходило, глазами хуторского парня, который больше всего на свете любил своих родных и свою Чеботовку.

Наверное, первый толчок к пониманию того, что такое лицедейство, дало мне знакомство с колядками и играми ряженых. Это началось в Чеботовке, а потом в Калининграде на сцене Дома офицеров я увидел цирковой коллектив, и больше всего на свете мне захотелось стать клоуном. И долго думал: как осуществить свою мечту?

С кинематографом я познакомился позднее. Мне было уже 10 лет, когда я впервые пришел в кинотеатр. Увиденное кинодействие на экране меня ошеломило, удивило, потрясло, но как назывался фильм, который я смотрел, — не помню. Видимо, так растворился в ощущении чуда, что не смог удержать в памяти смысл происходящего. Все впечатления ушли в ощущения... А название первого спектакля, который увидел на сцене Калининградского театра, я запомнил: это был «Каменный цветок» по сказу П.Бажова.

Я — счастливый человек, меня всегда окружало много родственников. И всех их я помню... бабушку, прабабушку Арину, тетю моей мамы, которая заменила мне родную бабушку, умершую перед войной. Я уже упоминал, что мама была сиротой, Мария Алексеевна приходилась ей тетей и вырастила маму как родную дочь, а потом — и меня тоже. Хорошо помню папиных родителей Матрену Федотьевну и Михаила Никифоровича — они прожили долгую и хорошую жизнь. Это — линия Маликовых, а у мамы в роду Ковалевы и Назаровы, а сама она по девичьей фамилии Герасимова. Такая у меня родословная.

В родной Чеботовке жителей обитало немного, тысячи полторы от силы. Все очень бережно относились к сохранению обычаев и нравов своих семейных кланов. В моей памяти запечатлелось много запахов вкусной еды времен детства. Помню деревья: тополь, акации, вишни, груши, яблоки, сливы... У плодов был какой-то совсем другой вкус, чем сейчас. Я помню, как цвела степь, и вкус степного меда, топленого молока и свежесдобитого пшеничного хлеба...

А с водой были большие проблемы. В основном воду давала река, но зимой она замерзала, а потом пересыхала. Чтобы полить огород, воду таскали из колодцев, которые почему-то все находились очень далеко.

Я уже говорил, что дома в Чеботовке строили из блоков, замешанных на навозе. Причем, замешивался этот «особый» состав ногами – не было ни другого стройматериала, ни техники. А покрывали дома соломой или камышами. Не надо забывать, что время-то было трудное, послевоенное. Страна воскресала буквально из руин... Мы, которые пережили вместе со страной это время, никогда не забудем забот, тревог и трудностей тех дней. Мы – дети войны, свидетели возрождения страны из пепла, дети своей Родины. Мы пережили многое – и горбачевскую перестройку тоже...

С родителями

Бабушка Матрена Федотьевна

И сегодня именно мы чувствуем великую ответственность за все, что происходит в нашей стране. И, кланяясь «великим тем годам», свято чтим память тех, кто не вернулся домой к своим близким.

Жили тогда все одинаково, без затей. Никакого понятия об «элите» в нашей деревне не существовало. Все считались одинаково богатыми, если имели корову, поросенка, кур и индюшек. Корову разрешалось иметь одну, а вот на лошадь был положен запрет: в частных хозяйствах лошадей не держали, лошади были только колхозные.

Иногда у нас случался в семье приработок: мы с тетей Маней ездили на рынок в Ворошиловоград. Я был очень горд тем, что мне доверялось сопровождать ее и охранять от всех бед. Это я так себе «напридумал». Ведь она везла на рынок товар на продажу, а это была ценность: два десятка яиц да кусок сала, пропитанный солью.

Мы себя чувствовали очень богатыми людьми, когда нам удавалось это продать, других материальных доходов у нас не имелось. Денежные знаки в руки тети Мани попадали только тогда, когда она на рынке продавала что-то домашнее. А так в деревне расплачивались за работу трудоднями – заработали 200-300 трудодней – получили на них зерно или муку и крупу, подсолнечное масло, сахар. И все выдавалось в очень ограниченных количествах. Впритык. Питались же люди в основном тем, что производили сами. Никогда не забуду мой восторг, когда я впервые на Пасху увидел крашеные яйца. Конечно, я знал, что есть куриные яйца, просто не думал, что они бывают крашеные и что это так красиво.

Новый год в семье мы встречали без елки. Елки в нашей местности не растут, поэтому на праздник привозили только одну большую елку в школу.

Чудеса техники – телевизор и магнитофон – я впервые увидел в 1954 году, когда мы переехали в город Чехов. Помню, что магнитофон «Днепр», большой и красивый, со множеством кнопок, произвел на меня, четырнадцатилет-

Юрий Маликов

Юрий Маликов «на картошке». 1957 год

него парнишку, неизгладимое впечатление. Магнитофон «Днепр» стал на какое-то время моей самой заветной мечтой.

Когда из Калининграда мы перебирались в Чехов, то заехали в Москву и первое, куда меня повел отец, — конечно, Красная площадь и Мавзолей. В юности в Мавзолее мне довелось побывать дважды. Один раз — у Ленина, а второй — у Ленина и Сталина. А когда я уже учился в техникуме, то приезжал в Москву один, без отца. И даже однажды побывал на демонстрации, видел на трибуне Н.С. Хрущева.

В техникум я поступил после 7-го класса, куда меня приняли без экзаменов, так как школу окончил с отличием. Мой выбор Подольского индустриального техникума определялся просто — его довольно близким географическим расположением от Москвы и от Чехова.

Три месяца я проучился на факультете контрольно-измерительных приборов, а потом это отделение закрыли, и мне предложили перейти на отделение взрывников. Окончил я техникум по специальности «взрывник». Официально в моем дипломе значится такое определение профессии: «специалист по открытой разработке угольных и нерудных месторождений».

В техникуме я учился четыре года, и все это время очень серьезно занимался не столько будущей профессией, сколько музыкой. Сначала я играл в народном оркестре, потом перешел в духовой. Однажды пошел на танцы, это было, когда я учился на первом курсе, и там услышал замечательную песню — «Тишина». До сих пор сердце сладко замирает, когда слышу:

*«Ночью мне покоя не дает
Горькая моя вина...
По ночному городу бредет
Ти-ши-на».*

Господи, почему сейчас таких песен не пишут? Они же становятся «моментами» жизни, и зачастую — решающими... А уж помнятся такие песни всю жизнь. Конечно, для

Юрий Маликов

Юрий Маликов с друзьями в колхозе. 1958 год

Перед репетицией эстрадного оркестра в г. Подольске. 1959 год

Мой адрес - не дом и не улица...

В годы учебы в Подольском индустриальном техникуме. 1960 год

меня эта встреча с «Тишиной», которая исполнялась в виртуозном сопровождении аккордеона, стала событием. И надо же было мне в эти дни попасть в кино на «Серенаду солнечной долины»! Как там играет оркестр! С этих двух зафиксированных моей памятью эпизодов и началось настоящее увлечение музыкой, я стал завсегдатаем танцев, но не танцевать или кадрить девчонок ходил туда. Я стремился на встречу с оркестром. Это было для меня время творческих открытий. В кино и на сцене я впервые увидел контрабас! Я влюбился в него! Заболел этим инструментом!

Как я страдал, что в нашем студенческом оркестре отсутствовал контрабас... у нас просто не было материальных возможностей для приобретения такого дорогого инструмента. И как был счастлив, когда руководство техникума все-таки изыскало возможность купить контрабас. Это произошло на втором году моего пребывания в техникуме, а, главное — в нашем самодеятельном оркестре.

Я ждал, как влюбленный ждет невесту, встречи со своей мечтой — контрабасом! Сейчас это звучит смешно, но тогда я находился в какой-то необъяснимой, непередаваемой эйфории. А как я готовился к поездке в Москву, к этой встрече с ним в магазине, как я бережно погладил тогда все его четыре струны! Я был счастлив по-настоящему, когда смог дотронуться рукой до контрабаса.

И вот контрабас прибыл под крышу техникума. Все чудесно, только как играть на нем — никто не знал. Я мотался, как заведенный, в поисках специалиста, и уже отчаялся найти его, как вдруг мне сказали, что в Подольске в вечерней музыкальной школе якобы есть человек, имеющий навыки игры на контрабасе. Я рванул в эту школу, нашел педагога, и все бы хорошо... Только контрабаса в той школе не было, и учить ему меня было не на чем. Я кинулся к своим. Видя мою одержимость и великое рвение, руководство техникума выдало мне под расписку бесценный контрабас, и я перевез его «на руках» в вечернюю музыкальную школу. К контрабасу, как оказалось, нужен был смычок, и я помчался в Москву, где в музыкальном магазине на Неглинке приобрел его. Теперь можно было начинать занятия, и мой

педагог стал учить меня, как держать смычок и извлекать при его помощи звуки.

С появлением контрабаса мой жизненный график очень уплотнился: днем я занимался в техникуме, а вечером с великой радостью бежал в музыкальную школу. Там я впервые узнал, что есть такая дисциплина, как сольфеджио. К сожалению, не помню имя моего первого педагога по сольфеджио. Это была очень спокойная и приятная женщина, она жила в Москве и оттуда ездила на занятия в Подольск. Я знал, что ее муж играл на кларнете в оркестре Вероники Дударовой. Однажды этот оркестр приехал в Подольск, где у него было два выступления в парке. Конечно, я побывал на этих концертах, и когда после первого (кстати, вход был бесплатный) все зрители разошлись, а их было человек триста, я остался. Мне очень не хотелось уходить, не хотелось прощаться с той радостью, что мне дарила музыка... И я оттягивал, оттягивал момент разлуки с миром, жить вне которого уже не мог.

Ко мне подошел один очень симпатичный человек и спросил: «Как тебе наше выступление?». Выслушав мои восторженные отзывы, он сказал: «Вот что, ты приходи завтра, а после концерта мы с тобой подробно поговорим».

На следующий день мы встретились с Володей Михалевым — так представился мой новый знакомец — и пошли в кафе, перекусили, даже четвертинку заказали. Я рассказал ему, что учусь и в техникуме, и в музыкальной школе, и что мечтаю стать музыкантом. Когда расставались, он дал мне номер своего московского телефона. Володя музыкальное образование получил в училище им. Ипполитова-Иванова, и он мне очень советовал перевестись в Московскую музыкальную школу, потому что оттуда было больше шансов поступить в музыкальное училище.

Я серьезно задумался над его советом, сам уже в это время мечтал поступить в Гнесинское училище и, будучи в Москве, побывал на улице Воровского, где находилась школа Гнесинки, даже подал заявление о приеме на учебу.

В тот раз я Володю в Москве не застал, меня встретила и очень хорошо приняла его бабушка, которой он много обо мне рассказывал. Через неделю я опять приехал

в Москву и встретился с Володей. Он познакомил меня с мамой, своей семьей — у него уже дочка училась в музыкальной школе по классу скрипки. Думаю, что мою судьбу во многом решило доброе отношение людей, с которыми я встречался на жизненном пути. Вот приехал парень из Подольска, его накормили, напоили, обласкали, приютили, а когда я уезжал, Володина бабушка сказала мне: «Ты, Юра, заходи к нам на обед, когда захочешь». Разве можно такое забыть? Или разве можно не хотеть по цепочке продолжить добро, которым одарили тебя в юности? Я был тогда совсем юным, но мысли эти уже прочно поселились в моем сознании: какие же это хорошие люди, что меня, чужого им паренька, согрели своим вниманием. Ходил по московским улицам, заглядывал в московские окна и тихонько напевал:

*«Я люблюсь Вами по ночам...
Я желаю, окна, счастья вам...»*

И еще думал: неужели и я когда-нибудь буду здесь жить, и у меня будут свои московские окна, и я тоже буду кому-нибудь помогать в этом городе и в этой жизни.

